

Поддавшись невольной провокации Ци Цзи, Цинь Цзюэ лишь глубже уткнулся лицом в подушку. Сгорая от досады и стыда, он просто замер бревном.

Он никому и никогда не признавался, но ночь для него — бесстрашного и дерзкого — таила в тысячу раз больше ужаса, чем самый суровый день.

Пока бодрствуешь, разум держит всё под контролем. Но стоит провалиться в сон, и ты уже бессилён остановить эти липкие, гноящиеся кошмары.

Он годами ненавидел сам процесс сна и давно смирился с тем, что однажды просто отбросит концы от истощения. Однако этой ночью жгучая обида — «как так, я, суровый северный мужик, продул какому-то нежному южному интеллигенту?!» — заставила его свернуться калачиком. Сдавшись на волю усталости, Цинь Цзюэ смежил веки с единственной мыслью: «Ладно, хрен с тобой, уступлю пока. Потом найду момент и снесу тебе качалку хедшотом».

Тихо гудел кондиционер, гоняя тёплый воздух. Цинь Цзюэ и сам не заметил, как провалился в сон — совсем не похожий на его обычные кошмары. Совершенно беззащитный, он погрузился в мягкий, переливающийся свет.

Сновидение оказалось удивительно чистым и уютным. Вокруг возвышались огромные хрустальные карамельки в форме цветов. Он брёл среди них, не испытывая никаких тревог, как вдруг споткнулся и поплыл. Он неловко шлёпнулся на что-то белоснежное и мягкое, и этот странный «плот» плавно потянул его вверх. Руки, ноги, поясница — всё тело обмякло в нежном тепле, и подняться не было никакого желания.

На мгновение ему показалось, будто он лежит на розоватом облаке или на огромном куске сахарной ваты.

Но, в отличие от облаков и ваты, эта штука ощущалась более плотной и тёплой. Словно густой мех какого-то лесного зверя или свежее испечённый ломтик тоста, от которого пышет жаром и насыщенным сливочным ароматом. Это тепло окутывало его всю ночь, вызывая ассоциации с рождественскими брауни за стеклом кондитерской или нежным карамельным чизкейком.

Воздушное, шелковистое, умопомрачительно сладкое...

«Бля... Какого чёрта? Жрать захотелось».

Спустя часов восемь или девять его разбудил вовсе не солнечный свет, пробивающийся в комнату, а чувство, которого он отродясь не испытывал после сна... дикий голод.

— М-м-м...

Обычно он вскакивал за долю секунды, но сейчас лишь протёр глаза, всё ещё убаюканный

безмятежной дремотой.

И только когда совсем рядом раздалось чужое ровное дыхание, сердце Цинь Цзюэ совершило кульбит, а разум взорвался.

Он осознал, что вцепился во что-то всеми четырьмя конечностями.

И этим «чем-то», без сомнения, было тело Ци Цзи.

«Пиздец...»

Цинь Цзюэ мысленно выругался, даже не успев сообразить, в какой именно позе он намотался на парня. Факты были неумолимы: они оба ютились на самом краю кровати. То есть он сам — хрен знает когда и как — выбрался из-под своего одеяла и залез под одеяло Ци Цзи.

Что ещё хуже, естественная утренняя реакция организма настойчиво давала о себе знать ниже пояса: «Брат, мне тесно».

«Да блядь...»

Лоб Цинь Цзюэ мгновенно покрылся холодной испариной. Единственное, о чём он мог молить небеса в этом кошмаре — слава богу, что во сне он не цапнул зубами эту «вкуснятину». Иначе... иначе хедшот, о котором он мечтал, пришёлся бы совсем не по той голове.

Солнце за окном разгоралось всё ярче, его лучи просачивались сквозь плотные шторы. Разглядывая масштабы своего позора, Цинь Цзюэ нервно сглотнул. Первым порывом было грубо отпихнуть парня и сострять наглую рожу: «Извини, бро, мне ночью сэйнсэй Хатано приснилась». Однако в мягких утренних лучах слегка приоткрытые нежно-розовые губы Ци Цзи и впрямь смахивали на бархатистый слой чизкейка. Цинь Цзюэ невольно заворожённо уставился на них, затем с досадой почесал шрам на шее, так и не решившись силой будить спящего.

«Ладно, похрен. Настоящий мужик со своими восемнадцатью сантиметрами должен уметь прогибаться под обстоятельства».

Сменив тактику, он сжал кулаки, осторожно изогнулся в талии и попытался выскользнуть из чужих объятий. Но удача сегодня явно отвернулась от него: не успел он сместиться и на долю миллиметра, как у самого уха раздалось сонное бубнение. Ци Цзи просыпался.

Сердце Цинь Цзюэ ёкнуло, а в горле застрял такой изошрённый мат, что им можно было бы дополнить медицинскую энциклопедию. Заметив, как дрогнули ресницы Ци Цзи, Цинь Цзюэ не придумал ничего лучше, кроме как зажмуриться и притвориться мёртвым. Да, это с потрохами выдавало факт его самовольного вторжения в чужую постель. Щёки пылали так, будто по ним

всю ночь били ладонями, но встретиться с парнем взглядом казалось куда страшнее.

На его несчастье, уже через пару секунд тишину нарушил мягкий, чуть сиплый голос:

— Всю ночь на мне висел... Сам ко мне залез... А вчера ещё прогонял...

Надо же, этот самый Ци Цзи, который так настойчиво напрашивался на совместный сон, сейчас звучал донельзя обиженно.

У Цинь Цзюэ пересохло во рту. Горячее дыхание сбивалось от подступающей ярости. Он уже собирался рявкнуть: «Скажи спасибо, что батя тебя вообще с кровати не спустил!», но Ци Цзи осторожно присел на матрасе, поправил подол футболки и совершенно буднично выдал:

— О, стояк утренний.

Сказано это было с такой простотой, словно речь шла о хорошей погоде. Цинь Цзюэ выпал в осадок. Тем временем Ци Цзи аккуратно подоткнул ему одеяло, поднялся и направился в ванную, чуть ли не мурлыча себе под нос:

— Темноты боится~ Надо же, темноты боится~

В ту же секунду Цинь Цзюэ поперхнулся воздухом. Перед глазами вспыхнули сотни слепящих фар. Кажется, его предсказанный час смерти настал прямо сейчас.

«Сука, да это не просто позор! Это дикий, смертельный зашквар, после которого только стрим с самоубийством запускать!»

От возмущения перехватило дыхание, кровь пульсировала в висках. Сексуальное возбуждение испарилось без следа, сменившись давлением под двести. Перевернувшись, Цинь Цзюэ накрылся одеялом с головой и ушёл в глухую несознанку — другого способа успокоиться он просто не нашёл.

Но беда, как водится, не приходит одна. Цинь Цзюэ и помыслить не мог, что утренние унижения — лишь цветочки. Этот богатый киберспортивный клуб оказался куда более ебанутым местом, чем казалось на первый взгляд.

Спустя ровно две минуты в дверь постучали, и елеинный голос пропел:

— Сяо Хуа-а, я пришёл убратсья у тебя в комнате~

По идее, подобные слова должны звучать из уст домработницы, но Цинь Цзюэ готов был зубы

дать на отсечение: этот мерзкий тембр принадлежал Цуй Сюэчжи.

«Какого хера?..»

Цинь Цзюэ окончательно потерял нить реальности и даже забыл испугаться, списав всё на затянувшийся сон. Но замок щёлкнул совершенно реально, и вслед за этим раздался голос Ци Цзи:

— Тише, он ещё спит.

В комнату вошёл Цуй Сюэчжи, едва сдерживая смехок:

— О-о-о! Наш Сяо Хуа быстро находит общий язык с новыми друзьями! Не успели познакомиться, а уже одну кровать делите? Одеяло почти на полу — у вас тут что, бурные страсти кипели? Дай-ка гляну, не появились ли в мусорке какие-нибудь интересные прозрачные резиновые изделия~

У Цинь Цзюэ на лбу вздулась вена. Он ждал, что Ци Цзи осадит балагура, но тот полностью проигнорировал подколку и лишь спокойно ответил:

— Ага. Он был очень инициативным.

«Что-о-о?!»

Цинь Цзюэ подавился воздухом. Контроль над собой окончательно трещал по швам. Он уже намеревался вскочить с кровати и устроить разборки, как слова Цуй Сюэчжи заставили его замереть:

— Ну и отлично. Вы в команде самые младшие, вам полезно дружить. Нечего закрываться, как раньше, когда тебя в школе все избегали, а в играх ты слова ни с кем не ронял. Мы-то с этим псом Шэнь Е для тебя уже старики, скоро дядьками звать будешь.

Цинь Цзюэ застыл. Пыл с лица мгновенно сдуло.

—... Хорошо, я понял, дядя Цюйсюэ, — послышался смиренный ответ Ци Цзи.

—... Бля, а ты послушный, — Цуй Сюэчжи, судя по звуку, потрепал парня по голове, после чего снова вернулся к фривольному тону. — А этот чего дрыхнет? Менеджер, когда водил его на медосмотр перед просмотром, говорил, что у него дикая бессонница. Ты, часом, не решил скрестить с ним копыя в первую же ночь и не заездил парня?

— Неправда! Не было такого... — в голосе Ци Цзи послышалась обида. — Он сам всю ночь ко мне приставал.

Цинь Цзюэ снова накрыло волной стыда и злости, а Цуй Сюэчжи лишь расхохотался, принимаясь за уборку:

— Ладно, пора его будить. Скоро обед и тренировка.

— Не надо, пусть ещё поспит, — Ци Цзи, судя по шуршанию, начал переодеваться. — Я сбегаю наверх, принесу ему поесть. Время ещё есть.

— Сяо Ци, братик понимает, что ты рад новому другу, — Цуй Сюэчжи со вздохом выделил слово «братик», — но не сдуть же с него пылинки? Ты так за ним ухаживаешь, что я начинаю сомневаться: вы точно просто переспали, а не обзавелись пополнением?~

У Цинь Цзюэ перехватило дыхание, шрам на виске опять зажгло. Однако Ци Цзи, казалось, пропускал все сальности мимо ушей, полностью поглощённый заботой о только что зародившейся дружбе:

— Тут неподалёку делают неплохую холодную лапшу, сбегаю туда за роуцзямо. Слышал, северянам не нравится южная кухня... Особенность нашей, цзянчжэньской — она для них слишком сладкая.

— Ого, нанятый нами повар-сычуанец нервно курит в сторонке! — рассмеялся Цуй Сюэчжи. — Заботливый ты наш, смотри не забалуй парня~

Цинь Цзюэ пылал от желания придушить этого болтуна. Ци Цзи же, ничуть не смутившись, направился к выходу:

— Я быстро. Не буди его, ладно?

Цуй Сюэчжи, видимо, лишь отмахнулся и взялся за тряпку.

Едва дверь за Ци Цзи затворилась, Цинь Цзюэ больше не смог сдерживаться. За какую-то пару секунд он сбросил одеяло, взвился на кровати и уставился на опешившего Цуй Сюэчжи:

—... Ты сейчас сказал, что этого мелкого в школе гнобили?

Он и сам не понял, почему вместо матерной бранной очереди первой выскочила забота о какой-то херне.

Цуй Сюэчжи хлопал глазами и несколько секунд с открытым ртом переваривал увиденное:

—... Ты всё слышал?

Цинь Цзюэ смерил его угрюмым взглядом и кивнул:

— Он... рожей вроде вышел. С чего на него травлю устраивали?

Цуй Сюэчжи прищурился, но задавать лишних вопросов не стал, лишь ответил:

— Да кто поймёт этих малолетних дятлов? Если сам через это не проходил, вряд ли поймёшь, отчего у подростков желчь закипает. Рост, вес, оценки, да хоть слишком толстые линзы в очках — зацепиться можно за что угодно. Не знаю деталей. Знаю только, что если бы не эта история, он бы из школы не вылетел.

—... Ясно.

Цинь Цзюэ отвёл взгляд, сделав вид, что ему до лампочки, и поднялся с кровати, направляясь в ванную.

Любитель чистоты Цуй Сюэчжи, аккуратно заправляя постель, о чём-то задумался и неспешно поинтересовался:

— Кстати, Ванъянь... Ты роуцзямо-то любишь? А то парень зря пробегается. Не все же северяне от лепёшек с мясом фанатеют. Я вот кантонец, а супы терпеть не могу.

В комнате всё ещё витал сладковатый сливочный аромат геля для душа. Услышав этот вопрос, Цинь Цзюэ мгновенно высунулся из ванной, забыв про зубную щётку. С запенившимся ртом он буркнул:

— Не твоё дело! Всё, что он принесёт, сожру. Понял?

Ему казалось, что он просто вредничает назло Цуй Сюэчжи, но когда тот задорно хохотнул, уши Цинь Цзюэ вспыхнули с новой силой. Он уже подобрал пару убедительных слов для оправдания, но собеседник быстро закончил уборку и направился к выходу:

— Скоро серьёзный турнир. Но, глядя на вас, за сплочённость душ и тел я могу быть спокоен~